

О.Л. Сытых

Образы познания античности и их влияние на современную культуру

Уже тысячу раз мы повторили: «познаем»
и «не познаем», «знаем» или «не знаем»,
как будто бы понимая друг друга, а меж тем,
что такое знание, мы так еще и не узнали».

Платон. Тезет

Познание человеком мира и себя – процесс длительный, сложный и противоречивый. Он полон восторгов и разочарований как для общества в целом, так и для отдельных ученых и мыслителей. Яркой иллюстрацией этого могут служить такие события в познавательной истории человечества, как длительно просуществовавшее в арсенале научного знания представление о вращении Солнца вокруг Земли, поиски учеными разных эпох философского камня, случайное открытие Америки Колумбом, убежденным в том, что им найден новый путь в Индию. И в то же время человечество гордится открытием атома и его расщеплением, использованием атомной энергии в мирных целях, открытием клеточного строения материи, законов эволюции, выведением новых пород животных и сортов растений, открытием генома и т.д. Список достижений и разочарований можно продолжать долго. Однако суть этих примеров в том, что в длительном процессе человеческого познания истины и заблуждения часто являлись его равноправными результатами.

Однако сколько существует познание, столько существует стремление человека найти истину и уйти от заблуждения. Достижение этих человеческих стремлений по-прежнему потенциально возможно, и, видимо, эта потенциальность будет сохраняться всегда. Одним из шагов на пути ко все более правдоподобному знанию, к истине является осмысление познавательного процесса, который всегда был и остается достаточно сложным. Размышляя над ним, выдающийся философ современности Ортега-и-Гассет заметил, что «даже в такой простейшей сфере познания, как способность видеть, казалось бы у всех одинаковой, движут нами пристрастия и привязанности, заранее направляя наше внимание на одно и отвлекая от другого» [1, с. 156].

Думается, что еще в большей степени привязанности и пристрастия определяют в познании возможность трактовать, интерпретировать увиденное.

Следует заметить, что эта особенность познания (его обусловленность человеческими пристрастиями и привязанностями) не исчезает с переходом от первичного познания (видения, трактовки) наблюдаемых явлений к созданию теорий, и далее – к осмыслению

познавательного процесса на метатеоретическом и методологическом уровне, а своеобразно в нем преломляется. Подобное утверждение не должно рассматриваться как заявление о принципиальной субъективности знания. Суть авторской позиции, неоднократно выраженной и раскрытой в ряде публикаций, состоит в следующем понимании взаимосвязи объективности и субъективности: субъективность – важный фактор достижения объективности. Обратимся к изучению и представлению познавательного процесса. Здесь возникает серия вопросов, всегда интересовавших и продолжающих интересовать философов. Что человек познает? Как он познает? И как можно представить процесс познания?

Эти вопросы всегда были частью философских исканий великих мыслителей. Стремление ответить на них – это определенная попытка сделать мир более ясным и понятным, вернуть человека (хотя бы в объяснении и через объяснение) к тому первоначальному единству, в котором он пребывал до философского противопоставления: «мира-объекта» «себе-субъекту». Пребывал он в этом единстве до появления философии, во времена, когда человек жил в мифе и «по законам мифа». Новое состояние сознания философствующего человека (на фоне мифологического – «измененное») тяготит его, человек пытается уйти от расколотости и двусмысленности мира. «...Заменить нестабильный двусмысленный мир на мир, в котором нет места двусмысленности. Как это достигается? С помощью воображения, изобретения миров... Каждому человеку приходится на свой страх и риск управляться с сомнительным, со всем тем, что стоит под вопросом. С этой целью он выстраивает воображаемые миры» [2, с. 245].

Поиски ответов на поставленные о познании вопросы привели сначала к созданию определенных образов познания, а затем к рассмотрению познания сквозь призму определенных моделей и схем. И возникшая в Древней Греции философия дает нам первые яркие образы познания.

Представляется, что обращение к древнегреческой философии, в рамках которой активно поднимались вопросы познания, следует предварить несколькими важными суждениями об античной культуре в целом. И первое, на что следует обратить внимание, это то, что зародившаяся здесь философия не отменила, а причудливо «ассимилировала» мифологическое мышление. Это проявлялось во многих моментах.

И прежде всего в том, что в сочинениях древнегреческих философов (даже классического периода) сохраняется яркая образность. Свои суждения о мире и о том, как происходит познание, они подкрепляют «образными картинками» и гениальными ассоциативными аналогиями. При этом большинство античных философов отмечают необходимость и важность для поиска истины – мышления, мысли, логики, понятий. Заметим здесь, что согласно ряду современных теорий творчества именно неожиданные ассоциации и аналогии являются важным признаком творческого мышления. Второй момент, который, на наш взгляд, следует вспомнить, прежде чем размышлять над познавательными образами античности, это искусство, являющееся богатейшей и неотъемлемой частью античной культуры. В самом искусстве следует отметить наличие театра с яркими постановками, отражающими трагичность и комичность человеческой жизни и широкое распространение скульптуры, запечатлевшей образы добра и зла в многочисленных ликах еще преимущественно мифологических героев. И на этом культурном фоне существует и философия, которая направлена на поиск истины. Она «идет» к ней через рассуждения, диалоги, через понятия, но при этом сохраняет то, что всегда является хорошим способом объяснить непонятное – представить нечто наглядно – в образах.

В числе первых таких образов можно назвать:

- 1) образ копий (оболочек), «видностей»;
- 2) образ восковой дощечки;
- 3) образ пещеры и теней.

Особенность этих образов в том, что они в равной степени могут быть отнесены и относятся современными философами как к представлению познания, так и к представлению сознания. Это можно рассматривать как еще одну мудрость древних (о неразделимости сознания и познания), от которой в дальнейшем некоторые исследователи невольно отошли, разделив их по двум достаточно самостоятельным разделам философского знания. Сознание изучается сегодня онтологией, а учение о познании – это гносеология.

Один из первых образов познавательного процесса связан с именем древнегреческого философа Демокрита. «Образы – тончайшие оболочки тел, как бы их материальные копии. При этом образы не только запечатлевают в себе внешность существ, но принимают также и «отражения» душевных движений и мыслей, [свойственных] каждому, и характеров, и переживаний» [3, с. 196]. По мнению Демокрита, образы проникают сквозь поры в глубь тела и, «будучи отражением душевных движений и мыслей, характеров и переживаний, они, попадая в живые существа, «говорят и возвещают [им мысли], если только они присоединяют [к телу] [воспринимающих] свои картины, сохраняя их членораздельными и неспутанными» [3, с. 197]. Для «правильности» образов необходимы

соответствующие условия. Не рассматривая подробно гносеологическую составляющую учения Демокрита в контексте его философии (это не является целью данной статьи), отметим лишь то, что этот созданный Демокритом образ, образ копий, отделившихся от предметов и сквозь поры проникший в человека, – один из первых образов познания, несомненно, оказал влияние на развитие наших представлений о познавательном процессе и на культуру в целом. Вспомним знакомые слова: фотокопии, копировальная бумага, ксерокопии и многие другие, близкие им по звучанию и по смыслу. Нельзя не обратить внимание и на смысловую связь всех этих слов с «демокритовскими» представлениями о познании. Есть тело, и есть его материальная оболочка – копия, которая запечатлевает его образ.

Нарисованная картина познания близка другому представителю античности – Эпикуру. Диоген Лаэртский в своем сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» приводит письмо Эпикура Геродоту, в котором Эпикур стремится объяснить своему адресату – как человек познает, а точнее, как у него возникают представления о предмете, как он способен видеть и мыслить формы. И перед нами возникает близкий образ. Отделяемые от тел оттиски «гораздо более тонкие, чем видимые предметы» [4, с. 381]. Эпикур называет их «видностями». Тонкая оболочка позволяет им двигаться с огромной скоростью, находить «проход по себе» и при этом движении фактически не встречает препятствий (кстати, это он отмечает как противоположное движению атомов, которые постоянно сталкиваются с препятствиями) [4, с. 381]. Возникновение видностей Эпикур сравнивает с быстротой мысли. Еще один момент, отмеченный Эпикуром, – это постоянное содержательное пополнение предметов, из которых истекают видности. «...Надобно полагать, – приводит слова Эпикура Диоген Лаэртский, – что именно от того, что в нас входит нечто извне, мы способны и видеть [формы], и мыслить их» [4, с. 382]. «По этой-то причине они и дают представление о едином и целом предмете, и сохраняют то же взаимодействие, что и в исходном предмете, будучи поддерживаемы оттуда соответственным колебанием атомов в глубине плотного тела» [4, с. 382]. Так, возникновение наших представлений о форме или каких-либо свойствах предмета Эпикур связывает с тем, что истекает от самого предмета – с его оттиском, с исходящими от него видностями. «А ложность и ошибочность всегда приходят уже вместе с мнением» [4, с. 382]. Последнее связано с нашими ожиданиями, с определенными движениями внутри нас.

Итак, образные представления познания Демокритом и Эпикуром, философами, разработавшими атомистические представления о материи, весьма близки. Для них познание связано с образом «копий», «оттисков», «видностей», истекающих из предмета

и проникающих в человека. Как видим, познание и знание, по мнению этих древнегреческих мыслителей, связано с объектом (предметом) и субъектом (человеком). А истинность и ложность того, что мы знаем, зависит от субъекта (человека) (Эпикур). И эти представления о субъективности будут развиваться в трудах многих философов. А в период классического развития науки и формирования методологии научного познания истина, «провозглашенная» целью познавательной деятельности ученых, получит такую важную характеристику, как объективность, которая, конечно же, будет противопоставлена субъективности, от которой следует и можно избавиться. «Возвращение к субъекту» и акцентирование внимания на субъективности не только как на отрицательном моменте познания, но и на положительном, который нужно учитывать, произойдет фактически только во второй половине XX в. И связано это будет с рядом обстоятельств и, прежде всего, с изменениями в предметной области познания.

Другим дошедшим до нас из древнегреческой философии известным образом познания является образ глиняной дощечки. Этот образ дан в диалоге Платона «Теэтет». Именно с ним сегодня связывают представления как о познании, так и о сознании в античности. Остановимся на нем подробнее. В уста Сократа философ вкладывает следующие рассуждения: «...Вообрази, что в наших душах есть восковая дощечка; у кого-то она побольше, у кого-то поменьше, у одного – из более чистого воска, у другого из более грязного или у некоторых он более жесткий, а у других помягче, но есть у кого и в меру» [5, с. 251]. Далее Платон поясняет, что «если в чьей-то душе воск глубок, обилен, гладок и достаточно размят... и возникающие у таких людей знаки бывают чистыми, довольно глубокими и долговечными». Именно про этих людей Платон говорит, что они всегда имеют истинное мнение. Весьма интересно то, что образ восковой дощечки, так четко вырисованный Платоном и относимый им не к знанию, а к мнению, стали впоследствии использовать для представления знания, знания как отражения, знания как оттиска вещей в сознании и т.д. Представление же философа о познании далеко не исчерпывалось рассуждениями об истинных и ложных мнениях, ведь мнения, согласно Платону, относились к миру вещей, а о подлинном мире – мире идей человек может иметь и знания, которые получаются в результате воспоминания душой того, что она созерцала, когда была в мире идей. Рассмотрение учения Платона о познании не являются целью нашей статьи. Но нам интересны те образы познания, которые пришли в философию из античности. Один из них – образ восковой дощечки, другой – образ, припоминающий «свои странствия» души. Образ восковой дощечки и отпечатков на ней, созданный в античности, всплывет вновь в Новое

время в творчестве ряда философов. Достаточно вспомнить Спинозу, рассуждающего о разных ступенях познания, акцентирующего внимание на том, что след лошади на песке будет вызывать разные ассоциации у людей, которые его видят. И последнее будет определяться не только уровнем наших чувств, но и нашим жизненным опытом, нашими знаниями. А особую популярность этот образ приобретет в XX в., когда в философии получит распространение теория отражения. Эта теория в ряде стран Восточной Европы и в Советском Союзе будет рассматриваться как основа теории познания.

Еще один образ познания – «образ пещеры с находящимися в ней узниками», созданный Платоном в седьмой книге «Государства», наглядно иллюстрирует разницу между подлинным знанием и видимостью (видимость – это как раз и есть то, что относится к чувственному миру вещей, то, о чем мы можем иметь мнения). Обычно этот образ трактуют тогда, когда рассматривают обоснования платоновского идеализма, обращаются к нему, осмысливая его онтологию. Но, думается, что этот образ оказал заметное влияние на дальнейшее развитие представлений о познавательном процессе, о постижении человеком мира.

Характеризуя наивных реалистов (для Платона – это люди, верящие в реальность чувственного мира), он сравнивает их с людьми, которые находятся в пещере с момента своего рождения, имеющими на ногах и шее оковы и поэтому не способных двинуться с места и видящих только то, что перед ними. Платон устами Сократа задает вопрос Главкону: «Прежде всего разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?» [6, с. 515]. И отвечает на этот вопрос: «Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов» [6, с. 515]. Интерес здесь представляет и его рассуждение о способности души воспринимать увиденное, или, как это называет сам Платон, «о двух родах нарушения зрения»: «то есть по двум причинам: либо когда переходят из света в темноту, либо из темноты – на свет. То же самое происходит и с душой: это можно понять, видя, что душа находится в замешательстве и не способна что-либо разглядеть. Вместо того чтобы бессмысленно смеяться, лучше понаблюдать, пришла ли эта душа из более светлой жизни и потому с непривычки омрачилась, или же, наоборот, перейдя из полного невежества к светлой жизни, она ослеплена ярким сиянием: такое ее состояние и такую жизнь можно счесть блаженством, той же, первой, посочувствовать» [6, с. 518].

Итак, Платон не только рисует образ пещеры, но и показывает, что в равной степени трудно выйти из мрака (пещеры) к свету, и из света войти в пещеру. И то, и другое приводит к определенной неадекватно-

сти. Человек, выходящий из света, нелепо выглядит в глазах окружающих его в темнице людей: «...Удивительно разве, – пишет Платон, – ...если кто-нибудь, перейдя от божественного созерцания к человеческому убожеству, выглядит неважно и кажется крайне смешным?» [6, с. 517].

Сегодня, обсуждая проблемы интуиции, загадочные мысленные проникновения отдельными людьми в миры, недоступные для большинства (мир прошлого и будущего) (вспомним феномен Мессинга), стоит еще раз вчитаться в Платона, предупреждавшего, что люди, прикоснувшиеся к миру идей, кажутся странными и непонятными для окружающих. Именно так сегодня воспринимают гениальные интуиции, явления, экстрасенсорики, медиативные прозрения и религиозные пророчества. Скажем так, что все это «не от мира сего», но только с точки зрения официальной науки. Философия, которая же, даже претендуя на научность, никогда с наукой не совпадала, имеет ряд интересных объяснений на этот счет. И одно из них восходит к образным представлениям о познании Платона.

Закончить данное изложение логично, наверное, будет суждениями Ксенофана (570–478 г. до н.э.), одного из первых древнегреческих философов, усомнившихся в истинности любых философских представлений и учений.

Присущая древним грекам образность мышления ярко проявляется и у этого мыслителя, считающегося одним из «предтеч» античного скептицизма. Доказы-

вая сомнительность всякого знания и провозглашая вероятностное знание пределом познания, он дает нам еще один интересный образ, или, точнее, рисует картину познания. Этот образ дошел до нас благодаря Сексту Эмпирику, изложившему сущность взглядов Ксенофана. «Подобно тому как если предположить, что люди ищут золота в темном жилище, содержащем множество драгоценностей, и потому каждый из них думает, что натолкнулся на золото, когда случайно схватит что-либо, лежащее в этом помещении, но в то же время никто из них не убежден, что попал на золото, особенно если даже случайно и попал на него, – подобно этому и множество философов приходят в этот мир, как в некое великое жилище, ради искания истины; и поймавший из нее что-нибудь по справедливости не доверяет тому, что он попал прямо в цель» [7, с. 70].

А более чем через две тысячи лет выдающийся современный философ Ортега-и-Гассет, размышляя над этими же проблемами, высказывает соображение, на первый взгляд противоположное мнению Ксенофана. Но это только на первый взгляд. Судите сами. Не имеет ли он те же представления о познании, только выраженные несколько иначе, уже не прибегая к излюбленному приему античных мыслителей – «образному рассуждению». «...Истинное или даже научно истинное есть не что иное, как частный случай фантастического. Бывают точные фантазии. Более того, быть точным может быть только фантастическое» [2, с. 245].

Библиографический список

1. Ортега-и-Гассет, Х. Камень и небо / Х. Ортега-и-Гассет. М., 2000.
2. Ортега-и-Гассет, Х. Запах культуры / Х. Ортега-и-Гассет. М., 2006.
3. Чанышев, А.Н. Курс лекций по древней философии / А.Н. Чанышев. М., 1981.
4. Диоген Лаэртский // О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.
5. Платон. Тезет / Платон // Собр. соч. М., 1993. Т. 2.
6. Платон. Государство / Платон // Собр. соч. М., 1995. Т. 3.
7. Секст Эмпирик // Сочинения : в 2 т. М., 1976. Т. 1.